

СМЕНА

2 март
002

Сенсация номера

- **Александр Грибоедов: Жизнь после смерти**
- *Джоан Орси* **Дама в шляпе**

Дама в шляпе

Джоан ОРСИ

Леди Молли потом всегда говорила, что если бы судьба сложилась иначе и мы бы с ней тогда решили выпить чашечку кофе не в “Лайонс”, а в “Мэтис”, мистер Калледон до сих пор был бы жив. Думаю, моя дорогая подруга абсолютно права: она наверняка смогла бы предугадать намерения убийцы и таким образом предотвратить одно из самых жестоких и бессердечных преступлений, когда-либо случившихся в Лондоне.

В тот день мы с леди Молли, гуляя по Реджент-стрит, зашли в “Лайонс”, напротив венского кафе “Мэтис” и, сидя за столиком, наблюдали, что происходит на улице и у входа в “Мэтис” — в это время там было довольно много народу.

Около шести часов, когда мы с удовольствием уничтожали свежие ароматные булочки, наше внимание привлекло какое-то странное оживление на улице. Мы увидели, как из кафе выбежали двое мужчин, которые вскоре вернулись, но уже в сопровождении полисмена. Вы знаете, как это бывает в Лондоне, когда происходит что-то экстраординарное — уже через три минуты у входа в “Мэтис” собралась огромная толпа. Леди Молли, как гончая, почуявшая запах дичи, выбежала из “Лайонс”, быстро оплатив счет и даже не глядя, иду ли я за ней. Перейдя до-

рогу, она кинулась в толпу у входа в "Мэтиc". И вот я уже потянула ее грациозную фигурку из виду.

Через некоторое время мне все-таки удалось ее обнаружить — леди Молли разговаривала с одним из полицейских. Вскоре мы смогли войти в "Мэтиc" — признаться, к явному неудовольствию толпившихся у дверей кафе зевак.

Обычно такое милое, уютное заведение теперь выглядело совсем иначе. В углу взволнованные служащие кафе обсуждали последние события, двое полицейских — с ручками и блокнотами — выслушивали показания рыжеволосой официантки. Горько рыдая, она говорила явно не то, что им хотелось бы узнать, выдавая множество не относящихся к делу подробностей. За старшим инспектором Сондерсом уже послали, и растерянные констебли с нетерпением ждали, когда его уверенная фигура появится в дверях кафе. В другом же углу, в нише, в кресле у столика как-то странно неподвижно сидел человек — с первого взгляда было понятно, что он мертв. Еще до того, как мы с моей дорогой подругой смогли задать какие-то вопросы, в кафе наконец-то появился инспектор Сондерс. Его сопровождал медэксперт доктор Томсон, который тут же занялся телом умершего, а Сондерс устремился к леди Молли.

— Шеф просил послать за вами, — проговорил он. — В этом деле замешана женщина и мы целиком и полностью полагаемся на вашу помощь.

— Но что тут произошло? — спросила леди Молли, при том глаза ее уже загорелись от предчувствия интересного дела.

— У меня пока совсем немного информации. Главный свидетель — эта рыжеволосая официантка. Сейчас мы с ней и поговорим. Да и мистер Томсон поделится своими соображениями.

Медэксперт, только что закончивший осмотр тела, не спеша подошел к нам.

— Дело ясное. Этот человек был отравлен огромной дозой морфия, растворенного в его шоколаде, — и он указал на чашку, стоявшую на столике.

— Когда это случилось? — обратился Сондерс к официантке.

— Не могу сказать точно, — нервно ответила та. — Джентльмен пришел где-то около четырех. Он был с дамой. Они сразу же направились к этому столику. Кафе только начало заполняться посетителями и уже заиграла музыка.

— А куда делась дама?

— Она ушла довольно скоро. Заказала чашку чая для себя и шоколад для джентльмена, а потом еще булочку и пирожные. Через пять минут, проходя мимо их столика, я услышала, как она сказала: "Боюсь, мне надо идти, а то магазин закроется. Вернусь минут через двадцать. Ты ведь подождешь меня?"

— А джентльмен? Вы не заметили в нем ничего странного?

— Нет, ничего! Он начал пить свой шоколад и только попрощал: “Пожалуйста, недолго”, она же взяла свои перчатки и вышла из кафе.

— И потом так и не вернулась?

— Нет.

— Когда вы заметили, что с этим джентльменом что-то не так? — спросила леди Молли.

Девушка задумалась.

— Я взглянула на него пару раз, когда пробежала мимо их столика. Казалось, что он слегка задремал. Я даже сказала о нем менеджеру, но тот велел, чтобы я его не трогала. Потом было очень много работы, я забыла о странном посетителе, но после шести часов, когда все любители выпить у нас после обеда чашечку чая ушли и мы стали готовиться к вечеру, я вспомнила о нем. Тут уж я решила, что с этим человеком что-то неладно, позвали менеджера, и мы позвонили в полицию.

— Не могли бы вы описать даму, которая была с ним? Узнали бы вы ее, если б увидели снова? — спросил Сондерс.

— Не уверена, — ответила девушка. — Вы видите, у нас бывает столько людей. И на ней была такая большая шляпа — никто при всем желании не мог увидеть лица этой женщины, может, только край щеки.

— А ее шляпу вы узнаете? — спросила леди Молли.

— Да, думаю узнаю, — проговорила девушка. — Она была из черного бархата, с перьями, и такая огромная, — добавила официантка с явным восхищением и завистью к обладательнице грандиозного головного убора.

В это время один из полисменов изучал содержимое карманов убитого. Среди разных предметов он обнаружил письма, адресованные Марку Калледону, эсквайру. На конвертах был указан адрес — Лорбери-Хаус, Фритцджонс-авеню, Хемстед. Инициалы “М.К.”, найденные на шляпе и на бумажнике несчастного, доказывали, что убитого действительно звали Марк Калледон.

Пока полицейские обыскивали труп, леди Молли думала о семье Калледона — возможно, у него есть дети, жена, мать. Как сообщить им, ждущим возвращения своего отца, мужа, сына, что он уже никогда не переступит порог их дома? И было совершенно ясно, что в деле запутана женщина — женщина, носящая огромную шляпу, причем с явной целью — скрыть от посторонних взглядов свое лицо, чтобы, когда полицейские будут опрашивать свидетелей, никто не смог бы дать ее приметы. И все это надо рассказать убитой горем жене!

Как вы понимаете, столь трудную задачу — встретиться с вдовой Калледона — леди Молли взяла на себя. Мы вместе поехали на Фритцджонс-авеню. Миссис Калледон была дома, и слуга проводил нас в гостиную.

Нас встретила леди Айрин — изящная молодая женщина небольшого роста. Думаю, ей еще не было и двадцати пяти. Она

была ирландкой, происходила из старинной аристократической семьи, но полностью разорившейся, тогда как мистер Калледон был весьма преуспевающим бизнесменом, хотя и не имел высоких связей и благородных корней. Некоторые члены семьи леди Айрин не одобряли ее желания выйти замуж за Калледона, но с любовью бороться невозможно, и они смирились. Прошло всего лишь шесть месяцев после их свадьбы, и леди Айрин наверняка считала своего мужа идеалом мужчины.

Леди Молли рассказала леди Айрин о смерти Марка с присущим ей тактом. Мы с моей подругой были потрясены глубоким горем, охватившим все существо молодой женщины. Перед лицом ее неподдельного страдания наши слова казались пустыми и ненужными.

Конечно, все ожидали, что расследование обнаружит какие-то подробности личной жизни Калледона. Однако полицейским не удалось раскопать ничего существенного. Молодая вдова была погружена в свое горе, слуги тоже не могли ничего сообщить следствию — их наняли совсем недавно, когда молодожены, вернувшись в Лондон после медового месяца, стали обустраиваться в доме на Фритцджонс-авеню. С Калледонами жила тетка Марка — миссис Стейнберг; сейчас она была тяжело больна. Одна из молодых служанок, не подумав, рассказала ей о смерти племянника. И тогда старая леди потребовала встречи с полицейскими.

— Марк Калледон был единственным из моих племянников, которого я любила, — торжественно заявила она. — Именно ему я завещала большую часть того, что мне осталось от мужа, мистера Стейнберга. Но Марк должен был вести себя, как подобает джентльмену, иначе я бы вычеркнула его из завещания; кстати, именно это и случилось раньше с другими моими племянниками и племянницами. Я выросла в Шотландии и ненавижу все эти новомодные штучки, которые считаю развратом и распутством.

К сожалению, показания старой леди не приблизили нас к разгадке смерти ее племянника Марка Калледона. Действительно, оказалось, что у Марка было несколько братьев и сестер, которые так или иначе совершили нечто, противоречившее принципам миссис Стейнберг.

Между тем следствие почти не двигалось. Правда, оставалась таинственная дама в большой шляпе. И вот эта загадка становилась с каждым днем более неразрешимой.

Несмотря на старания, никто из служащих кафе “Мэтис” не смог дать точного описания спутницы Калледона.

Спустя несколько дней миссис Стейнберг умерла — для ее больного сердца все происшедшее с племянником оказалось слишком тяжким испытанием. Перед смертью она положила в банк 250 фунтов стерлингов, велев выплатить эти деньги тому, кто поможет следствию обнаружить убийцу Марка.

Сумма в 250 фунтов стимулировала всех, так или иначе причастных к делу. И я думаю, именно благодаря ей Кэтрин Харрис, бывшая горничная Калледонов, решила поведать полицейским то, что ей вдруг показалось важным.

Леди Молли встретила девушку в кабинете шефа полиции. Кэтрин рассказала, что однажды к Калледону, через неделю после приезда молодоженов, пришла дама, по виду явно иностранка. В тот час леди Айрин дома не было, и мистер Калледон принял посетительницу в своей курительной комнате.

— Она была очень хороша, — рассказывала Кэтрин, — и прекрасно одета.

— И на ней была большая шляпа? — спросила леди Молли.

— Нет, не помню, чтобы шляпа на ней была уж слишком большая.

— Но вы хорошо запомнили саму даму?

— О да. Она была очень высокой и очень, очень красивой.

— Вы сможете ее узнать, если встретите вновь?

— Да, конечно, — воскликнула Кэтрин Харрис.

Итак, дама провела около часа с мистером Калледоном за закрытой дверью, а потом домой вернулась леди Айрин. Дворецкого в тот час не было, и дверь открыла Кэтрин. Хозяйка ее ни о чем не спросила, и Кэтрин не стала говорить, что у хозяина — гостья. Через пять минут из курительной комнаты раздался звонок. Иностранка уже стояла в коридоре, ожидая, чтобы ее проводили к дверям, что Кэтрин и сделала. А потом появился мистер Калледон. Он был просто разъярен.

— Не знаю, что я сделала не так, но он был как бешеный. Он сказал, я плохая горничная, и он потребует, чтобы хозяйка меня выгнала, что мне много раз говорили — нельзя впускать в дом кого попало. Он ужасно ругался. Думаю, он пожаловался на меня леди Айрин, и на следующий день меня уволили.

— И вы больше никогда не видели ту даму? — спросила леди Молли.

— Нет.

— Между прочим, а почему вы решили, что она иностранка? Она что, говорила с акцентом?

— Нет, она вообще почти не говорила, только спросила, дома ли мистер Калледон, но вы знаете, она выглядела как француженка.

На этом и закончился наш разговор с Кэтрин Харрис.

— Ну что, мы не продвинулись ни на йоту, — недовольно сказал шеф полиции, когда за Кэтрин Харрис захлопнулась дверь.

— Вы так думаете? — спросила леди Молли.

— А вы полагаете, показания этой девушки помогут нам найти даму в шляпе?

— Возможно, и нет, но ее рассказ, несомненно, поможет нам узнать, кто убил Марка Калледона.

И, сделав это таинственное заявление, леди Молли с достоинством вышла из комнаты.

Описание загадочной иностранки, которое нам дала Кэтрин Харрис, было распространено по всей стране. И вот через два дня после нашего разговора с горничной, когда мы снова были в кабинете шефа полиции — леди Молли изучала какие-то бумаги, а я делала записи в своем блокноте, — в комнату вошла дама. Я никогда не видела такой красивой женщины — высокая, статная, с потрясающей фигурой и прекрасной осанкой. Она была хорошо одета, а ее головку украшала роскошная шляпка с перьями.

Шеф тут же встал ей навстречу, а леди Молли мило улыбнулась.

— Вы, наверное, знаете, кто я, — начала дама, грациозно опустившись на стул. — Мое имя — на визитной карточке. Насколько понимаю, я точно соответствую описанию внешности женщины, отравившей Марка Калледона.

Она проговорила это без всякого волнения и с таким достоинством, что я была просто восхищена. Похоже, шеф тоже попал под очарование нашей посетительницы.

— О, ну что вы, — пытался он что-то пробормотать.

— Не затрудняйте себя, сэр, — с улыбкой прервала она его. — Мой слуга, хозяйка моей квартиры, мои друзья — все читали описание той женщины. Последние двадцать четыре часа меня несколько раз останавливали полицейские, поэтому я сама решила прийти к вам, пока меня еще не арестовали. Я не очень рано? — спросила она довольно спокойно, учитывая предмет разговора.

Она говорила по-английски с едва заметным акцентом, но я поняла, почему Кэтрин Харрис сказала, что эта женщина похожа на француженку. Она определенно не походила на англичанку, и узнав ее имя, я решила, что она — венка. И действительно, в мисс Элизабет Ловенталь были очарование, изящество и грация, присущие жительницам австрийской столицы.

Понятно, что шефу было непросто сообщить этой очаровательной даме, что уже на следующий день утром ее должны арестовать по подозрению в убийстве.

— Знаю, знаю, — воскликнула она. — Но прежде позвольте мне сказать — я не убивала Марка Калледона! Он поступил со мной отвратительно, но я скорее предпочла бы устроить скандал, чем убить его. Он стал таким респектабельным, важным! Но ведь между скандалом и убийством — огромная разница! Как вы думаете, мадам? — вдруг обратилась она к леди Молли.

— Несомненно, — ответила леди Молли с той же улыбкой.

— И эту огромную разницу мисс Ловенталь придется завтра продемонстрировать суду, — заметил инспектор.

Мне показалось, что на мгновенье Элизабет растерялась — румянец исчез с ее щек, и на лбу появилась морщинка. Но она быстро взяла себя в руки и тихо сказала:

— А теперь, господа, прошу вас выслушать меня. Я сама сюда пришла. Я не хочу больше видеть полицейских у своего дома, я не хочу наблюдать, как они пристают с расспросами к моим соседям и слугам. Конечно, они бы скоро поняли, что я не убивала Марка Калледона, но мне не очень нравится запах полицейской формы, я предпочитаю мои духи. — И она поднесла к носу платок, от которого доносился тонкий аромат.

— Наверное. Вы пришли сюда, чтобы дать показания? — спросил шеф.

— Да, — просто ответила она. — Я скажу все, что знаю. Не так давно мистер Калледон был моим женихом. А потом он встретил дочь этих аристократов и решил, что она подходит ему в качестве жены больше, чем какая-то мисс Ловенталь. Думаю, он решил: его тетка, эта надутая снобка, подумает, что я для него слишком проста, а ведь она собиралась завещать ему все свое состояние при условии, что он сделает приличную партию. У меня есть голос, говорят, неплохой. Два года назад я приехала в Англию, чтобы выучить язык и петь в Альберт-Холле. Мы с Марком встретились на корабле, когда он возвращался домой после каникул. Он сразу же влюбился в меня и вскоре попросил стать его женой. После некоторых сомнений я приняла его предложение. Мы были помолвлены, но он попросил меня никому не рассказывать о нашей помолвке, поскольку его старая тетка, которая должна была завещать ему свое состояние, не одобрила бы женитьбу на безродной иностранке, да еще певице. После нашего разговора я поняла, что Марку нельзя верить, а когда постепенно он стал относиться ко мне холоднее и холоднее, я уже не удивлялась. Вскоре он сообщил, что передумал жениться на мне, поскольку встретил симпатичную англичанку, которая и станет его женой. Мне уже было все равно, но очень хотелось хоть как-то его наказать — может, устроить скандал, думала я. Я пришла в его дом сначала просто чтоб заставить его поволноваться, но потом решила все-таки отомстить ему — ведь он так меня обманул! Это бы здорово взбесило Марка — наверняка его любимая тетушка, узнав о неблагоприятном поведении племянника, вычеркнет его из завещания. Вот и все. Но я совсем не собиралась его убивать!

Рассказ мисс Ловенталь произвел на нас глубокое впечатление — мы ей сразу поверили.

— Как вы справедливо заметили, полиция, конечно, узнала бы все, что вы нам тут рассказали, уже через несколько часов. И, несомненно, нашла бы неопровержимые доказательства. И теперь вам необходимо лишь доказать, что вы не могли быть в тот день, после полудня, в кафе “Мэтис”, — сказал шеф полиции.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду, — она слегка побледнела.

— Алиби, нам нужно ваше алиби, мисс Ловенталь.

— В тот день после обеда я гуляла.

— Вы заходили в какие-нибудь магазины?

— Нет.

— Возможно, встречали знакомых?

— Нет, я никого не видела. Мои слуги могут лишь подтвердить, что я вышла из дома в три часа и вернулась около пяти.

В комнате наступила тишина. Мисс Ловенталь явно сознавала, в какое чудовищное положение она попала. Ее губы слегка задрожали, а черты прекрасного лица стали тверже. Леди Молли написала несколько слов на листке бумаги и передала его инспектору. Мисс Ловенталь делала явные усилия, чтобы как-то успокоиться.

— Это все, что я могу сказать, — в ее голосе слышалось волнение и растерянность. — А теперь, думаю, мне лучше пойти домой.

Но мисс Ловенталь даже не поднялась со стула — казалось, прекрасная венка с ужасом ждет, что ее уже никуда отсюда не отпустят.

К моему удивлению, и к ее тоже, шеф встал и вежливо сказал:

— Благодарю вас за помощь, за ценную информацию, которую вы нам предоставили. Надеюсь, мы можем надеяться, что в ближайшие дни вы не покинете город?

Мисс Ловенталь с облегчением вздохнула, и ее лицо озарила милая улыбка. Шеф церемонно поклонился ей, и она ему благосклонно ответила, а потом, подойдя к леди Молли, протянула ей руку. И леди Молли ответила ей рукопожатием! Я не знала, что моя дорогая подруга написала инспектору, но зато я знала точно — ни при каких обстоятельствах она не пожалала бы руку убийце.

Вы, конечно, помните, какой поднялся шум, когда арестовали мисс Ловенталь. Красота подозреваемой, ее безукоризненные манеры, ее невероятное обаяние произвели на всех огромное впечатление. Честно говоря, я не верила, что мисс Ловенталь отравила Марка Калледона. Конечно, я не психолог, но я присутствовала в кабинете инспектора, когда мисс Ловенталь давала свои показания, и почему-то была абсолютно уверена, что она ни в чем не виновата.

И вот пришел день суда. Зал был полон, и конечно, когда на скамье подсудимых появилась мисс Ловенталь, такая красивая и, несмотря на то, что ей грозило, исполненная чувства собственного достоинства, симпатии публики сразу оказались на ее стороне. Судья был к ней весьма добр, ее адвокат делал все возможное и невозможное, и даже обвинитель, приводив-

ший доказательства ее вины, выполнял свой долг, и не более того.

Мисс Ловенталь была арестована в своей квартире, при задержании она не переставая говорила о своей невинности. Основанием для ареста послужили явный мотив убийства — расторжение помолвки — и, главное, отсутствие алиби. Правда, у полиции возникли трудности с определением места, где подозреваемая могла достать морфий. Было установлено, что Калледон являлся директором целого ряда компаний, и одна из них имела дело с продажей лекарств. Таким образом, была предложена следующая версия: обвиняемая под тем или иным предлогом попросила Калледона достать ей морфий. Она сама призналась, что до и после женитьбы Калледона несколько раз посещала его офис в Сити.

Мисс Ловенталь выслушала предъявленное ей обвинение и показания Кэтрин Харрис с непроницаемым лицом, но когда пришел черед официанток “Мэтис”, в ее глазах засветилась надежда. Свидетелям представили большую шляпу, принадлежавшую мисс Ловенталь, и хотя детективы были уверены, что именно эта шляпа была в день убийства на голове отравительницы Марка Калледона, свидетели дали весьма противоречивые показания. Одна девушка клялась, что узнала шляпу, другая говорила, что на убийце шляпа была гораздо больше, а когда ее надели на мисс Ловенталь, три из четырех официанток сказали, что это совсем другая шляпа.

— Нет, эта женщина чем-то не похожа на отравительницу, — наконец сказала одна из девушек.

— Чем же она не похожа? — спросил ее обвинитель.

— Точно сказать не могу, — растерянно ответила та.

Конечно, в суде присутствовала и молодая вдова. Публика в зале ей глубоко сочувствовала. Шумиха, которая поднялась в обществе вокруг имени ее супруга, добавила горечи в скорбь о столь рано ушедшем муже. Все теперь понимали, что Марк Калледон женился на ней не по любви, а по явно корыстным соображениям, и сознавать это было очень больно.

Леди Айрин, однако, держалась с большим достоинством. Она, конечно, знала — до встречи с ней Марк собирался жениться на мисс Ловенталь, но и не предполагала, что разрыв отношений с Марком окажется настолько болезненным и певича даже захочет отомстить ее мужу.

Да, давая показания, леди Айрин выглядела весьма достойно — в своем строгом, но элегантно траурном костюме — но, конечно, никто не мог удержаться от сравнения этой в общем-то заурядной молодой женщины с блестящей, пленительной венкой, волею судеб оказавшейся на скамье подсудимых.

Суд, рассматрив все за и против, вынес решение: обвинение не смогло представить неопровержимые доказательства, вследствие чего мисс Ловенталь признана невинной. Под громкие

и одобрительные аплодисменты публики она покинула зал заседаний.

Итак, поиски таинственной дамы в шляпе продолжались, а в газетах между тем стали появляться статьи о позорной неудаче детективов и карикатуры с изображением гигантских дамских шляпок и обидными для всей лондонской полиции подписями.

И вот как-то — это было через день после освобождения из-под суда мисс Ловенталь — меня посетила моя дорогая подруга леди Молли. В первый раз за все это время на ее лице сияла улыбка, и, конечно, я спросила, что это ее так обрадовало.

— Хорошие новости, Мэри, — ответила она радостно. — Я все-таки добилась разрешения от инспектора делать то, что считаю нужным. Наконец-то у меня развязаны руки! Ты себе представить не можешь, чего мне это стоило!

— Что вы собираетесь делать?

— Проверить версию убийства Марка Калледона. Но сначала мы поедem в Лорбери-Хаус и зададим несколько вопросов слугам Калледонов.

Было три часа дня. Леди Молли спешила, поэтому я быстренько надела на себя что-то более или менее приличное, и мы, взяв такси, поехали на Фритцджонс-авеню.

Леди Молли написала несколько слов на листке бумаги и, вручив записку горничной, попросила срочно передать ее леди Айрин. Через несколько минут мы оказались в уютной гостиной. Молодая вдова, затянутая в черный траурный туалет, сидела напротив нас. При этом ее длинные белые пальцы нервно комкали носовой платок.

— Я очень надеюсь, — начала разговор леди Молли, — что вы отнесетесь с сочувствием и пониманием к моему острейшему желанию, разделяемому и моими друзьями из Скотланд-Ярда, найти убийцу вашего супруга.

На секунду леди Молли остановилась, как бы ожидая одобрения. Леди Айрин предмет беседы был явно неприятен, но, пересилив себя, она кивнула в знак одобрения усилий полиции и леди Молли.

— Я хорошо понимаю, что полиция предпринимает все необходимое, и мне кажется, я уже сделала то, что от меня требовалось. Я не железная, и после этого дня в суде... — Она как бы проверила, не выдала ли своих чувств больше, чем позволяли приличия, и закончила: — Вряд ли могу быть вам полезной.

— Понимаю ваши чувства, — заметила леди Молли, — но, пожалуйста, не откажите нам в небольшой помощи.

— Что вы хотите?

— Позвольте мне позвать двух ваших служанок и задать им пару вопросов.

Секунду леди Айрин пребывала в замешательстве, но потом встала и спросила:

— Каких служанок вы хотели бы видеть?

— Вашу собственную служанку и горничную.

Леди Айрин распорядилась и через минуту в комнату вошли две девушки — одна в фартуке, а вторая — в красивом темном платье с кружевным воротником, явно служанка леди Айрин.

— Эта дама желает задать вам несколько вопросов, — обращаясь к девушкам, сказала молодая вдова. — Она представляет полицию и, пожалуйста, будьте искренни в ваших ответах.

— О! — воскликнула леди Молли, стараясь не замечать холодность интонации леди Айрин. — Моя просьба не будет трудной и неприятной. Я просто хотела бы попросить вас поучаствовать в небольшой комедии, которую разыграют сегодня вечером в “Мэтис” — для проверки правильности показаний официанток. Вы ведь не откажетесь нам помочь?

— Мы сделаем то, что вы просите, мадам, — ответили они.

— Отлично, дорогие! Дело в том, что сегодня утром главная свидетельница, официантка “Мэтис”, опознала даму в шляпе, которая убила вашего хозяина. Но в это дело замешана иностранка, и оно имеет такой широкий резонанс, и за границей тоже, вот почему мы должны предоставить все мыслимые и немыслимые доказательства того, что именно эта дама — коварная отравительница. — Леди Молли на мгновение замолчала, а затем, поскольку ни леди Айрин, ни ее служанки не обронили ни единого слова, продолжила: — В Скотланд-Ярде считают, что наш долг — попытаться максимально осложнить акт опознания убийцы. Они требуют, чтобы в “Мэтис” находилось как можно больше дам в шляпах. Среди них будет и та, которую мы подозреваем в убийстве. Свидетельница должна узнать ее среди всех дам, собравшихся в кафе.

— Думаю, вы и ваши друзья в Скотланд-Ярде вряд ли полагали, что мои служанки захотят участвовать в таком нелепом фарсе? — возмущенно и резко проговорила леди Айрин.

— Мы не считаем это фарсом, — леди Молли была чрезвычайно вежлива и учтива. — Подобные следственные эксперименты очень часто проводят в интересах обвиняемых. И я буду настаивать на участии в нем ваших служанок.

— Не вижу, чем они могут быть вам полезны, — сухо сказала леди Айрин.

Но обе девушки не возражали. Я чувствовала, что идея им явно нравилась — это было так волнующе, так непохоже на их каждодневное скучное существование.

— Уверена, что у девушек есть большие шляпы, — продолжила леди Молли, с одобрением поглядывая на служанок.

— Я не позволяю им носить уродливые шляпы, — строго произнесла леди Айрин.

— Вы знаете, у меня есть одна шляпа, очень большая, которую мадам не захотела носить и приказала выбросить, — воскликнула горничная.

Тут наступила тишина, один из таких особенных моментов, когда кажется, что слышна поступь судьбы.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, Мэри, у меня никогда не было большой шляпы, — сказала леди Айрин как-то особенно спокойно.

— Ну как же, госпожа, а та, которую вы заказали у “Санчия” и надели лишь один раз — на концерт?

— Когда это было? — тут же спросила леди Молли.

— Никогда не забуду! — взволнованно продолжала служанка. — Госпожа пришла после концерта, я помогла ей раздеться, и она сказала, что больше ни за что не наденет эту дурацкую шляпу — слишком тяжелая. Это было как раз в тот день, когда убили мистера Калледона.

— Ну что ж, шляпа эта нам очень пригодится, — спокойно заметила леди Молли. — Мэри, пожалуйста, принесите ее, а ты, дорогая, — обратилась она ко второй девушке, помоги ей надеть на голову это грандиозное сооружение.

Девушки вышли из комнаты, и мы остались втроем, прекрасно осознавая, что произошло.

После минутной паузы леди Молли спросила:

— Что вы собираетесь делать, леди Айрин?

На лице молодой вдовы не было ни кровинки, а ее глаза застыли, уставившись в одну точку.

— Вы не можете ничего доказать! — вдруг воскликнула она.

— Думаю, вы ошибаетесь. В любом случае, я попробую. В машине сидят две официантки из “Мэтис”, и я уже говорила со служащим шляпного салона “Санчия”. Мы знаем, что у вас были большие сложности при заказе шляпы — вы пытались описать ту, которую видели на мисс Ловенталь, когда однажды встретили ее в офисе мужа. Мы легко докажем, что та встреча имела место. Кроме того, у нас есть доказательства, что вы надели эту шляпу лишь один раз, когда якобы были на концерте — при этом ваше посещение концерта доказать невозможно — и именно в тот день, когда ваш муж был отравлен.

— Да люди будут смеяться над вами! Вы не осмелитесь предъявить мне столь чудовищное обвинение!

— Когда мы представим доказательства и улики в суде, никто и не улыбнется, поверьте мне. А теперь позвольте поведать вам о некоторых результатах нашего расследования — часть того, что услышат суд и господа присяжные. Итак, вы конечно знали о расторгнутой помолвке мисс Ловенталь и мистера Калледона и всеми силами старались, чтобы эта информация не достигла ушей старой миссис Стейнберг — вы прекрасно понимали, что скандал вокруг ее любимого племянника сразу же повлечет исчезновение его (и, соответственно, вашего) имени из завещания тетушки. Вы уволили горничную только за то, что та стала свидетельницей появления мисс Ловенталь в вашем доме. Известно, что миссис Стейнберг указала в завещании, что

если ее племянник умрет раньше вас, то состояние перейдет к вам. Поняв, что мисс Ловенталь жаждет отмщения, решили действовать. Можно убить старуху — но, подумали вы, полиция в этом случае наверняка сразу догадается, кому выгодна ее смерть и кто убил дорогую тетушку. И тогда вам в голову приходит другая идея — осуществив ее, вы унаследуете деньги миссис Стейнберг, которая при этом так никогда и не узнает о любовных приключениях своего племянника. И все это мы легко докажем в суде, как, впрочем, и историю со шляпой, которую вы заказали, оплатили и надели всего лишь раз — в тот самый день, когда “неизвестная” дама отравила вашего мужа.

Громкий смех прервал леди Молли — смех, от которого меня как будто обдало холодом.

— Тут есть одна деталь, о которой вы запомнили, моя дорогая леди Скотланд-Ярд, — проговорила леди Айрин. — Не забудьте в вашей речи на суде указать, что обвиняемая вершила правосудие своими собственными руками.

И не успели мы подбежать к ней, как она поднесла что-то ко рту и мгновенно проглотила.

— Найдите Сондерса, Мэри, быстрее! — закричала леди Молли. — И доктора!

Но когда доктор пришел, было уже слишком поздно. Несчастливая женщина, по всей видимости, неплохо разбиралась в ядах. Понимая, что если преступление будет раскрыто, наказание за содеянное неотвратимо, она не ошиблась в дозе.

Не уверена, что вся правда об этой истории стала известна широкой публике. Леди Молли с самого начала знала, в каком направлении вести расследование — надо было искать честолюбивую, амбициозную женщину, способную на все для достижения своих целей. И действительно, леди Айрин, вышедшая замуж за Марка Калледона исключительно из-за его состояния, не собиралась отказываться от денег ни при каких условиях — более того, ради них она была готова даже на самое жестокое преступление.

Я спросила леди Молли, что натолкнуло ее на мысль о виновности леди Айрин в отравлении мужа — ведь поначалу никому даже в голову не приходило заподозрить ее в убийстве.

— Большая шляпа, — улыбнувшись, ответила моя дорогая леди Молли. — Если бы дама, которую видели официантки “Мэтис”, была высокой, шляпа не показалась бы им такой огромной. Ее обладательница должна была быть небольшого роста, и тогда из-под полей действительно виднелся бы только край щеки. Я сразу подумала о маленькой женщине. Наши ребята из Скотланд-Ярда никогда не задумываются о таких вещах — они ведь мужчины!

Вот видите, как все оказалось просто!

Перевод с английского
Ирины ОЛИМАХ.